

Новый музей. 2011.

Валентин Владимирович Громов родился в 1930 году в Ленинграде, на ул. Рубинштейна. Живописью начал заниматься в изостудии Дворца пионеров у С.Д. Левина, привившего любовь к импрессионистам. В 1946 году поступил в СХШ. Учился классом младше Арефьева, но скоро сошелся с ним и со всей компанией. Вместе «бродили по кладбищам, по разрушенным домам ради их таинственной атмосферы». После очередных каникул принес работы, в которых углядели влияние импрессионистов. На этом обучение в СХШ закончилось.

В 1950-е годы был рабочим сцены во Дворце культуры им. Горького, служившим площадкой для театральных гастролей. Вероятно поэтому в его композициях на тему театра сцена и зрительный зал обычно видны из-за кулис. Громов – единственный из всей компании – театрал.

И единственный, кому удалось поступить в высшее учебное заведение и его закончить. Это был Московский заочный полиграфический институт. Учился там не зря: печатная графика – важная часть его творчества, в ней он высочайший профессионал. Уже пятьдесят лет, как в темное время года Громов оставляет живопись и занимается офортом. И работал – с 1959 по 1998 год – корректором по печати.

Всегда испытывал особое тяготение к старым мастерам. В СХШ «вместе с Арефьевым ходили в библиотеку, он брал Гойю, я – Веласкеса». Арефьев нацелил на современность, на важность темы. «С Рихардом посещали танцуюльки во Дворце связи. Приходили к концу, чтобы посмотреть одевание. Там нашел тему – зеркала. У нас с Рихардом был конкурс – делали оба. Потом он сказал: оставляю тебе, ты делаешь лучше».

В ранних работах этой серии есть шаржированность и стилизованность фигур, их плавные, обтекаемые формы контрастируют с элементарной геометрией интерьера фойе. Голые, обшарпанные стены «дворца», клубок нарядных женщин, спины хлыщей-кавалеров, зеркала, в которых почти всегда отражается нечто иное, иногда маскообразное, – убогое, праздничное и таинственно-зловещее сразу. К этой теме он возвращается снова и снова, стилизованность исчезает, и кажется, что он уже сам одаривает девушек нежными, голубыми и оранжевыми, украшенными воланами и бантами платьями. Как никого из арефьевцев, его привлекает наряд – не как характеристика персонажа, а как предлог для живописи. Громов почти не поступает свойствами объекта в угоду стилю или выразительности, но только ради живописности.

Танцы – тема общая для арефьевцев, но из общих тем Громов выбирает праздничную. Он предпочитает фигуру, в особенности женскую, изъятую из быта или в особом состоянии: актриса на сцене, модель на подиуме. Эти темы привлекали и композиционно: сцена, подиум – это пространство в пространстве, а почти в любой работе Громова можно видеть интерес к сложной, чаще ассиметричной, пространственной композиции.

С Васми же ездили за впечатлениями на Ржевку. Тогда эта была холмистая городская окраина, с речушкой, домишками, огородами и сарайчиками: они называли ее «страна Лилипутия». Она давала возможность широкого охвата пространства с открытым горизонтом, с множеством независимых частей. Структурирует пейзаж, выявляя границы разных участков, едва заметная криволинейная геометризация — это все, что находим у Громова от геометрии, играющей важную роль у остальных арефьевцев. Огромный холм заставляет горизонт круглиться, воспроизводя выпуклость земного шара, без натуги приподнимая тему. Если Васми упорядочивает, подчиняет пространство своей конструктивной идее, то Громов выявляет дробность его заполнения, рядоположенность, случайные черты. Простор для нечаянных пересечений в пространстве бесчисленных

композиций из фигур представляют собой горкомовские пляжи – тема общая с Арефьевым и Шагиным.

Летом Громов ездит на родину отца, в Тверскую область, в небольшой городок Старицу. В написанных там пейзажах – поля, сады, лоскутные одеяла огородов – цветение и урожай. Цветение как отдельная тема решается также в поздней серии букетов чертополоха. Громов наиболее близок к природной органике: если у Арефьева деревья служат экспрессии (голые ветки то змеятся, то каждая «ножом пыряет»), если Васми и Шварц изобретают для дерева свои изобразительные знаки, то у Громова они сохраняют свою плотную объемную крону.

До последних лет у Громова почти не было городского пейзажа: все пригородные. Но появились дворы Петроградской стороны, где с 1970 года и по сей день у него мастерская в мансарде, дворы и переулки Васильевского острова, где он живет. Стимулом служат сами живописные свойства предметов, например, испещренные и облагороженные временем стены старых домов. Пейзаж преимущественно безлюден, а если фигурка появляется, то это предлог для небольшого красочного пятна.

После семидесяти Громов, освобождённый от необходимости ходить на работу, наиболее продуктивен.

Оставшись без друзей, и полностью свободный от давления любых сегодняшних тенденций, он дал большую волю своей ориентации на старых мастеров. Появляются для него новые – для искусства вечные – темы: «Положение во гроб», «Сшествие в ад». «Апокалипсис», мясные туши, ню или, как он говорит, «обнаженка». В этих работах есть классическая отрешенность от сиюминутного. При этом фактура активна, красочные решения весьма сложные, без обобщений. Цвет, хоть и близкий к природному, интенсивен, с вкраплением нежных, лучезарных красок: лимонно-желтых, светло-зеленых, многочисленных оттенков оранжевого, розового – все это совмещено и контрастирует с темными, мрачными тонами. В противоположность заявленному консерватизму в громовских работ ощущается живое дыхание.

В восемьдесят лет смог выехать за рубеж. И поехал в первую очередь в Испанию. Полдня простоял перед инфантами Веласкеса.

Валентин Громов продолжает работать.